

Бабка Тина сидит сегодня у кухонного окна как пришитая. На кухне сидеть у окна неудобно – вдоль всего подоконника вплотную поставлен обеденный стол. Сесть же за стол напротив окна – далеко будет, не видеть, как внучкин муж Сергей возится со столбами и досками во дворе у забора в углу. Вот и приходится бабушке выглядывать сбоку да время от времени отталкивать все дальше от себя тяжелый дубовый обеденный стол. Так постепенно протиснулась она со стулом поближе к открытой створке окна, изогнувшись, смогла даже положить локоть на подоконник, оперлась подбородком на кулак и застыла. Глядит.

Сергей у них не лентяй. Вот уже второй день подряд возится у забора. Против двух держащих забор столбов вкопал еще два, укрепил поперечные перекладины и сейчас уже обшивает будущие стены досками. Оно, может быть, и правильно здесь курятник, за углом, у кухни. Старый, тот на самом виду, у крыльца, внучка его сломать хочет, вишни там посадить...

Внучка Люба ходит по дому, заходит в кухню, переставляет что-то на полках.

– Ты что, бабушка, все сидишь тут? Пошла бы отдохнула или вон в палисаднике посидела, сирень-то как цветет...

Бабка молчит.

Люба уходит.

Сергей отмеряет и начинает отпиливать очередную доску. Бабка смотрит и вспоминает, как испугалась она вчера, когда увидела, что он вкапывает столбы... На самом том месте...

Люда снова входит, неся корзинку с хлебом. Ставит рядом со столом ведро и начинает сортировать хлеб. В корзинку, на чистую тряпочку – семье, в ведро, почерствее – скотине.

– Чего все сидишь-то, баб? – снова удивляется она.

Бабка молчит и смотрит в окно. Не хочет она ничего говорить. Особенно объяснять про это. Не будет она им рассказывать. Зачем? Достаточно того, что у нее одной от этого всего душа изнылась. Нечего им... В спокойе пусть живут... И Макар, Царство ему небесное, уж не расскажет...

Не расскажет, как к их избе, одной из трех только не сгоревших тогда в деревне, приковыляли двое немцев. У одного нога была вся в крови, и не ступал он на нее, опираясь на другого, у которого правая... или уж левая?.. сторона лица была наскоро замотана и из-под сбившейся повязки глядел выцветший какой-то голубой глаз. На русской плащ-палатке волокли они своего третьего, тот был офицер. Он все время говорил что-то, но часто сбивался на хохот и тихий плач, и тогда те двое останавливались, оборачивались к нему и говорили что-то, указывая на Тинин дом.

А Тина и Макар только что вылезли из подпола, где отсиживались во время боя, и теперь в это вот самое кухонное окно, в котором взрывами выбило тогда стекла, глядели, как немцы лезли к ним во двор сквозь брешь в заборе. Ни души вокруг не было, кроме этих троих. Ни немецких, ни наших солдат. Выстрелы затихали за лесом, и туда же удалялся гул танков. Башни шибко движущихся наших танков можно было еще рассмотреть в облаке пыли на опушке, но и там было безлюдно и словно мертво. А за Тининым садом – только трубы сгоревших еще позавчера двух порядков домов да пылающий, а до сегодняшнего дня еще видневшийся целехоньким за дубами, сеновал Нюрки Быковой. И где она со своими двумя девчонками и матерью, и где все другие двенадцать односельчан, живших еще в деревне до этого последнего боя?

Это потом уже Тина и Макар будут находить то одного, то другого из них, убитого или обгоревшего. Это потом они будут сносить их всех к тем большим дубам у дороги и там хоронить, а теперь Макар, увидев, что немцы прилегли передохнуть в траве у забора, вдруг кинется через окно и в мгновение ока воткнет вилы в спину тому, крепкому с перевязанной головой. Тот рухнет на грудь офицера, а третий не успеет схватить автомат, потому что Тина, не помня себя, бросится выручать мужа. И как это она сладила с этим третьим... голыми ведь руками...

Она помогла Макару подняться и глянула в сторону распростертых в лопухах тел. Рот у мертвого офицера был раскрыт в беззвучном крике, на остальных она смотреть не захотела, отвернулась и обхватила себя руками, пытаясь унять бившую ее дрожь.

А на следующий день пошли они по замолкшей деревне искать своих, но нашли только мертвых. И всех, всех закопали они с Макаром под теми дубами. Копали и укладывали, и плакали над каждым. У крестной, Марии Федоровны, нашли в кармане письмо от сына, воевавшего с первого дня войны. Макар расправил треугольничек с номером полевой почты, протянул Тине:

– Сообщить надо бы, как сможем.

– Может, и надо, – ответила та, но уверенности в ее словах не было...

Два дня ушло на эти похороны, два полных дня. Солнце палило и спина не гнулась, но она все нажимала и нажимала на обломанный черенок лопаты. Потом Макар на старой фанерной крышке от бочки

выводил наслюнявленным огрызком чернильного карандаша фамилию за фамилией...

Они все ждали, кто придет, наши или немцы, но в деревне и вокруг по-прежнему все было тихо.

К утру третьего дня трупы немцев у забора совсем раздулись, и пришлось рыть яму и для них. Не хотелось хоронить их на своем участке, но и перетаскивать гниющие трупы уже не было сил, да и чем чужой участок хуже твоего? А здесь, в уголке у забора, где спокон веков закапывали всякий хозяйственный сор, было, как они решили, самое им место. В теплом, полуистлевшем мусоре копать было легко, и скоро те трое были присыпаны землей. Макар сказал, что холмика над ними делать не станет, как он выразился, «ради ненависти своей!». И тут же перекрестился на солнце и пробормотал: «Господи, прости ты меня!», но холмика делать не стал. Так и остались лежать под забором ничем не примеченные те трое, и скоро широкие листья лопуха, крапива да вьюнки, раскрывающие по утрам свои розоватые граммофончики, затянули этот угол за домом. А Макар и Тина словно сговорились никогда об этом не вспоминать...

И вот теперь муж внучки Сергей второй день мастерит в этом углу курятник. А Тина, не знает сама почему, неотрывно все смотрит и смотрит на эту полянку в углу и все вспоминает, как ковыляли к их дому через пролом в заборе те, говорившие на своем железном языке.

Нет, не скажет она своим о том дне. Что толку мутить их души? Было и былшем поросло. Да и если указать на нашей земле все те места, где легли в нее вражьи кости...

– Баб, – говорит над ней Люба, – ты пойди пока, а? Я обед собирать буду.